

Е. Данилов, канд. ист. наук, ассист.
(г. Ярославль, Россия)
О. Цымбал, магистр
(г. Ярославль, Россия)

ПОЛИСНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ТРАКТАТЕ КСЕНОФОНТА "О ДОХОДАХ"

Статья посвящена анализу концепции полисной безопасности, изложенной в трактате Ксенофонта "О доходах". Авторы статьи полагают, что данную трактовку безопасности следует рассматривать в контексте социально-политической обстановки в Афинах IV в. до н.э.

The article is devoted to analyze of conception of state security proposed in Xenophon's treaty "Ways and Means". The authors of the article suggest that this interpretation of security should be considered in the context of social and political situation in Athens in the 4th century B.C.

Трактат Ксенофонта "О доходах" (Πόροι) нередко привлекал внимание исследователей тем, что многие идеи этого произведения не вписывались в контекст политических и философских воззрений историка, известных нам по другим его сочинениям. В частности, призыв Ксенофонта к развитию торговли и ремесла и привлечению метеков в полис, трактуемый как проявление симпатии к демократии, противоречит представлению о Ксенофонте как о стороннике олигархии. Эти несоответствия позволяли исследователям поставить под сомнение вопрос о принадлежности этого трактата данному автору [6, с. 205; 9, с. 292-293]. Впрочем, большинство историков склонны полагать, что сочинение "О доходах" действительно было написано Ксенофонтom в 355 г. до н.э., в самом конце его жизни [6, с. 204-205; 7, с. 199-200].

Не менее необычной для Ксенофонта является изложенная в этом сочинении трактовка полисной безопасности. В трактате проводится мысль о необходимости мира и развитии торговли и ремесла как важнейших условий процветания полиса. Однако она не находит отражения в более ранних трудах афинского писателя. Ксенофонт, военный теоретик и стратег, традиционно видел источник безопасности в развитии вооруженных сил.

В более ранних произведениях Ксенофонта безопасность трактуется, в некотором роде, как одна из категорий полководческого искусства. Настоящий стратег, по мнению древнегреческого историка, должен руководствоваться рядом принципов, связанных с охраной чужой жизни: заботиться о здоровье воинов (Xen. Ages. II. 8), гуманно обращаться с пленными (Xen. Ages. I. 21), проявлять осторожность в бою (Xen. Ages. II. 12, VI. 13; Hell. IV. 3. 19) [2, с. 254-257; 3, с. 50-59; 10, р. 33-66]. Ключевая задача лидера – бдительно охранять безопасность стратиотов (Xen. An. V. 7. 10), и личная безопасность полководца имеет смысл лишь в том случае, если она не противоречит чести и справедливости (Xen. Ages. I. 36). Для военачальника нет охраны надежнее, чем собственная высокая доблесть (Xen. Cyp. VII. 5. 84; An. III. 2. 11). Лучший военачальник тот, кто сумеет внушить подчиненным идти за ним на любую опасность (Xen. Oec. XXI. 7; Cyp. III. 3. 51). Соответственно, только о своей безопасности заботятся плохие, варварские полководцы (Xen. An. I. 8. 22).

Тема личной безопасности, но уже не полководца, а тирана, прослеживается в диалоге Ксенофонта "Гиепон". По мнению автора, существование тирана небезопасно, он проводит свою жизнь в постоянном страхе (Xen. Hier. I. 12; II. 9-10; VI. 6). Выход – добиться любви и поддержки сограждан за счет широкого расходования средств на общественные нужды (Xen. Hier. XI. 1). Тогда тиран обретет преданных друзей (Xen. Hier. XI. 12) и желанную безопасность (Xen. Hier. XI. 10). Иначе говоря, тирания может быть справедливой формой правления, если тиран учитывает интересы определенного круга лиц, пользующихся преимущест-

вами указанного строя (Xen. Hell. II. 4. 9; ср. Pl. Leg. 710; Arist. Pol. 1314a40-1315b10).

По мнению Ксенофонта, изначально любой государственный строй направлен на обеспечение общественной безопасности (Xen. Mem. II. 1. 15). Повиновение законам и участие граждан в защите государства от всех опасностей есть первые признаки справедливого правления (Xen. Oec. IV. 19). Следовательно, патриот – это честлюбивый гражданин, который трудится ради уважения, подвергается опасностям ради своей общины, проявляет послушание и стойкость (Xen. Oec. XIV. 10; Symp. VIII. 32; Cyp. I. 2. 1, III. 3. 8).

Воспитание нравственности укрепляет государственную безопасность (Xen. Cyp. I. 2. 9). Ведь порочный человек не способен совершать доблестные и благородные дела, а именно они чаще всего сопряжены с трудами и опасностями (Xen. Cyp. II. 2. 23). Обрекать себя на крайнюю опасность можно ради общего спасения и свободы (Xen. Hell. II. 4. 20). Государства афинян и лакедемонян достигали наибольшего успеха в пору борьбы за общееэллинское благоденствие (Xen. Hell. II. 2. 20; V. 1. 16).

В трактате "О доходах" Ксенофонт делает акцент на иных источниках полисной безопасности. Во-первых, это справедливое отношение к союзникам и поддержание мира (Xen. Vect. 1, 5), а во-вторых, развитие торговли и ремесла, способствующее обогащению и процветанию государства (Xen. Vect. 2-4). Эти две идеи, совершенно не характерные для более ранних сочинений Ксенофонта, тем не менее, были довольно распространены в политико-философской мысли IV в. до н.э.

Рассуждения Ксенофонта о справедливости близки по своей идейной направленности к размышлениям афинских ораторов о благочестии и мире. Ксенофонт полагает, что справедливо в обеспечении потребностей полиса полагаться на собственные ресурсы, а не на "помощь" союзников (Xen. Vect. 1). Мир и дружелюбное отношение к эллинам способствуют обогащению государства, в то время как из-за войны казна полиса только истощается. Государство, поддерживающее мир с соседями, скорее сможет ответить обидчику, т.к. враг в этом случае не сможет найти союзников (Xen. Vect. 5).

Для Демосфена полисная безопасность была неотделима от справедливости (Dem. Or. XVI. 10; XIX. 152; XXI. 70; XXIII. 3; XXV. 35) [1, с. 14-16]. По Гипериду следование законам и справедливости обуславливает внутреннюю безопасность (Hyp. Eux. 36; Dem. XXXIX; Erit. 25). Эсхин также придерживался общего мнения, что законы полиса должны устанавливаться в полном соответствии со справедливостью (Aeschin. In Tim. 178). С требованиями благочестия и справедливости должны соотноситься все внешнеполитические акции государства (Aeschin. De falsa leg. 117). Демократия должна избегать долгих и изматывающих войн, так как в них заключена опасность для власти народа (Aeschin. De falsa leg. 177). В борьбе за мир достигается безопасность (Aeschin. De falsa leg. 183). По мнению Исократa, нравст-

венная составляющая важнее для общественного блага, чем пополчение о военном деле. Граждане должны не пренебрегать добродетелями (I. 9), не искать спасения в ущерб доброй славе и хорошему имени (I. 43; II. 36; VIII. 135; XIV. 39; XV. 60). Наиболее ценными из человеческих и государственных добродетелей являются справедливость и воздержанность (III. 29, 44; VIII. 63, 119-120; XII. 204). Живущие в благочестии и справедливости чувствуют себя в безопасности (III. 49; VIII. 34, 112; XII. 178). Таким образом, идея о связи между полисной безопасностью и поддержанием справедливости, как внутренней, так и международной, довольно распространена в речах эллинических ораторов IV в. до н.э.

Второй аспект полисной безопасности, выделяемый в трактате "О доходах", касается экономического процветания государства как основы его могущества. Зависимость благосостояния полиса от развития торговли и благосостояния граждан также была достаточно распространенным пассажем в речах ораторов конца V-IV вв. до н.э. (*Isocr.* VIII. 19; *Lys.* XII. 20-22, 35, XXVIII. 3; *Dem.* I. 7, XIV. 16). Однако наиболее последовательно эта мысль изложена именно в трактате Ксенофонта. Хозяйство афинской гражданской общины, по мнению Ксенофонта, следовало защитить от двух бедствий – недородов и войны (*Xen. Vect.* 4). Протекционизм в отношении купцов и судовладельцев, более тесная интеграция метеков с полноправными афинянами, разработка серебряных рудников должны, по мысли Ксенофонта, улучшить финансовый климат полиса (*Xen. Vect.* 2-4). Чтобы все доходы поступали в изобилии нужен мир (*Xen. Vect.* 5). Нарращивание экономического потенциала напрямую связано с рачительностью в военном деле (ср. *Arist.* *Pol.* 1328b10), а мирная и, тем самым, мудрая внешняя политика способна реально упрочить гегемонию Афин (*Xen. Vect.* 4-5). Другими словами, процветание полиса, безопасная жизнь его граждан, сила государства, согласно этой концепции, напрямую зависят от финансового состояния.

На наш взгляд, появлению и распространению такой трактовки полисной безопасности способствовали особенности социально-политической обстановки в Греции в IV в. до н.э. Первая из этих особенностей была связана с усилением роли наемнических отрядов в составе полисной армии. Содержание наемников требовало значительных финансовых затрат от государства. Необходимость платить воинам нередко становилась причиной дефицита казны в целом ряде государств IV в. до н.э. Сочинение Псевдо-Аристотеля "Экономика" изобилует примерами того, как различные лица – стратеги, тираны, сатрапы, фараоны – изыскивали средства для того, чтобы выплатить жалование воинам (*Ps-Arist.* *Оес.* II. В. 11, 166, 23а, 25, 26, 30а, 296, 39) [5, с. 168-170].

С задержкой оплаты наемникам и связанным с этим конфликтами сталкивался и сам Ксенофонт. Так, в "Анабасисе" он упоминает о том, что Кир задолжал плату за три месяца воинам, которые приходили к его двору и требовали денег (*Xen. An.* I. 2. 11). Невыплата жалования наемникам и связанная с этим угроза перехода войска на сторону врага были причиной разногласий между Ксенофонтом и Севтом (*Xen. An.* VII. 7. 5-53). О случаях неповиновения наемного войска своему предводителю из-за задержки жалования Ксенофонт сообщает и в "Греческой истории" (*Xen. Hell.* V. 1. 13).

Таким образом, в условиях развития наемничества содержание армии требовало от полиса значительных финансовых затрат. Провести успешную военную кампанию и эффективно отреагировать на внешнеполитическую угрозу было способно лишь государство, обла-

давшее мощным экономическим потенциалом. Иначе говоря, безопасность и суверенность государства напрямую зависели от его экономического процветания.

Второй причиной появления такой трактовки полисной безопасности стало возрастание роли представителей торгово-ремесленных кругов на политической арене Афин. В связи с обострением экономических трудностей в Афинском полисе особым влиянием стали пользоваться политики, компетентные в экономических вопросах (Демосфен, Диофант, Эвбул, Эсхин, Ликург) [4, с. 61-62; 8, р. 67, 75]. Представители древних аристократических родов постепенно вытесняются с политической арены выходцами из торгово-предпринимательских кругов, которые зачастую были потомками метеков и вольноотпущенников. Многие предложения трактата "О доходах" – призыв предоставлять различные привилегии метекам, поощрять развитие торговли и покровительствовать разработке серебряных рудников – отвечали интересам этой новой политической элиты [6, с. 206-209; 7, с. 201-202].

Именно в данном контексте следует рассматривать и идею Ксенофонта о необходимости сохранения мира и развития экономики как важнейших условий безопасности государства. Любые военные конфликты негативно сказывались на торгово-предпринимательской деятельности, что особенно ярко проявилось во время Пелопоннесской войны. В речах афинских ораторов мы часто встречаем жалобы на то, что в военное время торговля практически невозможна из-за блокады морских путей (*Dem.* XLV. 4; *Lys.* XVII. 3, XIV. 27, XXII. 14). Таким образом, призыв Ксенофонта к сохранению мира полностью отвечал интересам новой политической элиты полиса. Возможно, именно поэтому идея о сохранении мира как важного условия могущества государства стала настолько распространенной в сочинениях IV в. до н.э.

Итак, трактовка полисной безопасности, изложенная в трактате "О доходах", значительно отличается от понимания безопасности государства в более ранних произведениях этого автора. Ксенофонт полагает, что источниками общественной безопасности являются, во-первых, справедливое отношение к другим полисам и поддержание мира, а во-вторых, развитие торговли и ремесла, привлечение метеков в Афины с целью повышения благосостояния полиса. Появление такой трактовки полисной безопасности было следствием социально-политических изменений, произошедших в Афинах в IV в. до н.э. С одной стороны, развитие наемничества привело к зависимости обороноспособности государства от его финансового благосостояния, а с другой стороны, данное понимание безопасности отражало интересы новой политической элиты полиса, состоявшей преимущественно из представителей торгово-ремесленных кругов.

1. Данилов Е.С. Полисная безопасность как принцип международного права в концепции Демосфена // Древность и Средневековье: вопросы истории и историографии. Материалы I Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (Омск, 28-30 октября 2010 г.). – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. – С. 11-18 2. Деннике Ю.П. Ксенофонт и начало теории военного искусства // ЖМНП. – 1916, июль. – С. 254-259. 3. Дорофеева В.А. Аристократический идеал воина и стратега в трактате Ксенофонта "Анабасис" // Древний Восток и античный мир: Труды кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. – М., 1999. – С. 50-59. 4. Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский: к проблеме кризиса полиса. – М., 1993. – 287 с. 5. Маринович Л.П. Греческое наемничество в IV в. до н.э. и кризис полиса. – М., 1975. – 225 с. 6. Фролов Э.Д. Политические тенденции трактата Ксенофонта "О доходах" // Проблемы социально-экономической истории Древнего мира. Сборник памяти А.И. Тюменева. – М., 1963. – С. 204-221. 7. Цымбал О.Г. Экономические и социально-политические идеи трактата Ксенофонта "О доходах" // Традиционные общества: неизвестное прошлое: материалы VI Между-

нар. науч.-практ. конф., 5-6 апреля 2010 г. / редколлегия: П.Б. Уваров (гл. ред.), О.Д. Бугас, И.А. Толчев, Д.В. Чарыков. – Кн. 1. – Челябинск, 2010. – С. 199-203. 8. Mosse C. La classe politique a Athènes au IVe siècle // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – P. 67-77. 9. Schütrumpf E. Politische Reformmodelle im

Jahrhundert Grundsätzliche annahmen politischer Theorie und Versuche konkreter Lösungen // Die Attische Demokratie im 4. – Jahrhundert v. Chr. Stuttgart, 1995. – S. 271-301.10. Wood N. Xenophon's Theory of Leadership // Classica et mediaevalia. – 1964. – XXV. 1-2. – P. 33-66.

Надійшла до редколегії 13.03.12

В. Дементьева, д-р ист. наук, проф.
(г. Ярославль, Россия)

ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ПРАКТИКА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ *PROVINCIAE QUAESTORUM* В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ¹

В статье рассматриваются правовая норма распределения провинций (сфер деятельности) между римскими квесторами – sortitio provinciarum и практика их получения sine sorte (extra sortem), по сенатскому решению.

The paper deals with legal norm governing the distribution of the provinces (sphere of action) – sortitio provinciarum and practice of its sine sorte (extra sortem) assignment by the decision of the senate.

Квестура являлась коллегиальной магистратурой, поэтому после избрания квесторов вставала задача распределения между ними сфер деятельности (provinciae). Ульпиан (D. 1.13.1.2) сообщает о нормативно регулировавшемся способе распределения квесторских провинций – жеребьевке и связывает его введение с именами консулов Децима Друза и Порцины: Ex quaestoribus quidam solebant provincias sortiri ex senatus consulto, quod factum est Decimo Druso et Porcina consulibus. Марк Эмилий Лепид Порцина известен как консул 137 г. до н.э. (Diod. XXX. 27; App. lb. 80-83; Oros.V.4.19). В консульских фастах его имя не сохранилось, но сохранилась значительная часть имени другого консула 137 г. до н.э. – Гая Гостилия Манцина: [c. ho]STILIVS A F L N MANCI[nus abd]. (CIL. I. P. 26). Консулом предыдущего, 138 г. до н.э., в фастах значится Децим Брут: [d. j]VN[ius m] F M N BRVTV[s qui postea] CAL[ja]ICVS APPEL[latus est].

У историков три подхода к датировке названного Ульпианом сенатусконсульта: 1. Датировать по консульству Порцины. 2. Датировать по консульству Децима Клавдия Друза (младшего сына жены Октавиана Августа Ливии, брата Тиберия) – 9 г. до н.э., не учитывая имя "Порцина". 3. Считать, что должен был быть назван не Децим Друз, а Децим Брут, – консул предыдущего 138 г. до н.э., но в результате ошибки у Ульпиана соединились консулы двух смежных лет и исказилось имя одного из них. Нам кажется предпочтительной трактовка, возникшая еще в XIX в. (6, p. 1088): после выдачи нумантинцам Манцина (Cic. De off. III. 30.109; Cic. De or. I. 40; Vel. Pat. II. 1. 5; App. lb. 83 Plut. Tib. Gracch. 7; Oros. V. 5.5) был избран консул-суффект, ибо выдача врагам связанного полководца была равносильна преданию его смерти или лишению гражданских прав (Cic. De or. I. 40). Этим консулом-суффектом и стал, вероятно, Децим Друз, составивший пару консулу М. Эмилию Лепиду Порцине после выдачи Манцина.

Ульпиан называет правовой акт, по которому распределялись provinciae quaestorum, сенатусконсультом. Цицерон (Pro Mur.18) упоминал в ноябре 63 г. до н.э. закон Тиция по этому поводу: Habuit hic lege Titia provinciam tacitam et quietam, tu illam cui, cum quaestores sortiuntur, etiam adclamari solet, Ostiensem, non tam gratiosam et inlustrem quam negotiosam et molestam. Законов Тиция историки знают несколько, два относятся к 90-гг. I в. до н.э. (Lex Iulia Titia 99 г. до н.э. и Lex Titia 91 г. до н.э.), один Lex Titia датируется 43 г. до н.э., но содержание эти законы посвящены совсем иным вопросам. Как правдоподобный вариант этот закон можно связать с

именем Секста Тиция, плебейского трибуна 99 г. до н.э. Он был последователем Аппулея Сатурнина, хранил у себя дома бюст Сатурнина, за что и был осужден (13, с. 432); Цицерон характеризует Тиция как человека словоохотливого и довольно проникательного (homo loquax sane et satis acutus – Cic. Brut. 62. 225).

П. Виллемс и Л.А. Томпсон относили свидетельство Ульпиана о правовой норме жеребьевки квесторских провинций не к тридцатым годам II в. до н.э., а к I в. н.э. (8, p. 18). На наш взгляд, более вероятно то, что Ульпиан "модернизированно" (в контексте политических реалий своей эпохи) назвал публичный акт, на основании которого жеребьевка между квесторами была введена в римскую "конституцию", сенатусконсультом (вместо "закона"), чем то, что он "удревнил" его. В любом случае, вне зависимости от того, какой правовой акт обеспечивал саму норму жеребьевки, процедура распределения квесторских провинций – как минимум, во II-I вв. до н.э. – начиналась с постановления сената, затем в обычном порядке проводилась sortitio, но иногда провинции давались квесторам прямо по решению сената – extra sortem (Cic. Att. VI. 6.4.; Cic. Phil. II. 50; Liv. XXX. 33.2).

Обратимся к нумизматическому материалу (1, vol. 1, p. 417, 419; vol. 2, p. 176, 309). На монете, датированной около 104 г. до н.э., так обозначена должность Л. Манлия Торквата – аверс: Roma; реверс: L. Torquat. q. ex s.c. (1, vol. 2, p. 176). Монеты 74 г. до н.э. содержат сведения о Гнее и Публии Корнелиях Лентулах: 1) аверс: g(enius) p(opuli) R(omani); реверс: Cn. Len. q. ex s.c.; 2) аверс: q. s. c.; реверс: P. Lent. P. f. L. n. Монета, датированная около 66 г. до н.э., дает подобное сокращение обозначения должности на оборотной стороне: аверс – Moneta; реверс – L. Plaetori L. f. q. s. c. Нумизматы обычно считают сокращение ex s.c. (или s.c.) указанием на то, что по сенатскому постановлению производилась чеканка монеты (12, с. 56). Но у нас складывается впечатление, что это указание относится, скорее, к способу наделению сферой деятельности магистрата, упомянутого в монетной легенде. И тогда эта фиксация (такой-то квестор является магистратом на основании сенатского постановления, – когда в других случаях такого уточнения нет), свидетельствует, вероятнее всего, о том, что жеребьевка для него не проводилась.

Основным (похоже, что и единственным) способом распределения функций тогда, когда они касались только Рима и Италии, была sortitio, бросание жребия, – поскольку и в I в. до н.э. сферы деятельности квесторов в пределах Италии распределялись именно по жребию; все примеры, приведенные Цицероном, свидетельствуют об этом.

С выходом экспансии Рима за пределы Италии способов этих было уже два: по жребию (sortitio) и вне жребия

¹ Исследование проводится в рамках Госконтракта № 16.740.11.0104 и при поддержке РФФИ, грант 10-06-00140-а.